Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

«Колхоз»: пронзительный и беспощадный

06.11.2026.

Элен Каррер д’Анкосс (1929-2023) © Institut de France

Я не поклонница Эммануэля Каррера. Его «Русский роман», опубликованный в 2007 году, в другой жизни, в жизни «до», понравился мне лишь отчасти. «Лимонов» (2011) – еще меньше. Что же касается одноименного фильма Кирилла Серебренникова, я ушла из зала через двадцать минут после начала, но, думаю, прежде всего потому, что сам герой мне глубоко антипатичен. Не оценила я и то, как Эммануэль Каррер в качестве соавтора сценария адаптировал для экрана роман Джулиано да Эмполи «Кремлевский волшебник».

Так что его последнюю увесистую книгу, удостоенную нескольких премий, я купила более полугода назад скорее из профессионального долга, учитывая название моего сайта и его редакционную политику. Но взяться за нее смогла только в отпуске.

Сразу уточню: «Колхоз» Эммануэля Каррера не рассказывает об истории насильственной коллективизации советской деревни, приведшей к лишению крестьян собственности, массовым депортациям, голоду и гибели миллионов людей.

Название происходит от семейного ритуала. «В ту ночь, собравшись втроем вокруг нашей матери, мы в последний раз устроили колхоз», – читаем на четвертой странице обложки. Более подробное объяснение появляется на странице 261, где Эммануэль Каррер с бесконечной нежностью рассказывает о том, какую радость испытывали он и его сестры, когда они все вместе укладывались спать рядом с мамой: «Наша мать придумала название этому ритуалу совместного сна: устраивать колхоз. Мы обожали устраивать колхоз».

Но значение этого слова явно не исчерпывается интимным семейным воспоминанием. Оно становится ироническим символом русских и грузинских корней семьи, коллективной памяти и невозможности отделить личную историю от большой Истории.

Эта невозможность лежит в основе обширной автобиографической семейной саги. А как во всякой обширной автобиографической семейной саге, Зигмунд Фрейд где-то неподалеку. Тем более что отправной точкой здесь становится смерть матери автора, Элен Каррер д’Анкосс, урожденной Зурабишвили, дочери подозревавшегося в коллаборационизме эмигранта, исчезнувшего при загадочных обстоятельствах, и русской аристократки. Знаменитая исследовательница России и СССР, Элен Каррер д’Анкосс родилась в Париже в 1929 году, не имея гражданства, получила французское гражданство в 1950-м, в 1990-м стала членом Французской академии, а в 1999 году – первой женщиной, занявшей пост ее непременного секретаря, на котором оставалась до самой смерти 5 августа 2023 года. При всем этом она была матерью троих детей, которых глубоко любила и с которыми была близка, хотя после публикации «Русского романа» два года не разговаривала с сыном, а также женой человека, от которого давно отдалилась, продолжая сохранять видимость семейного благополучия.

Эммануэль Каррер пишет о своем отце, до одержимости увлеченном историей семьи своей выдающейся супруги, с большой симпатией, но и с некоторой снисходительностью. Причина этой снисходительности, несомненно, была не в том, что Луи Каррер д’Анкосс, работавший в страховой компании, выглядел принцем-консортом при своей царственной супруге. Обычный мужчина в тени неординарной женщины. Возможно, став взрослым, сын осознал, какой жертвы отец потребовал от своей жены, угрожая покончить с собой, если она его оставит? Впрочем, это не помешало отцу позднее завести любовницу – разумеется, соблюдая строжайшую тайну. Но Элен все узнала.

Мой экземпляр «Колхоза», со всеми закладками.

Как ни странно, когда я пытаюсь выразить одной фразой свое общее впечатление от книги, получается скорее диагноз: публичный сеанс психотерапии длиной в 560 страниц, совмещенный с препарированием всей семьи, проведенным с холодностью и точностью хирурга. Не пощажен никто. Как справедливо писал Лев Толстой, которого отец Элен Георгий (Жорж) Зурабишвили ненавидел так же сильно, как ее мать, Наталья фон Пелькен, обожала: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему».

В некотором смысле книга продолжает «Русский роман», что порой раздражает, как и частые хронологические скачки и повторы. С той существенной разницей, что мать, прежде остававшаяся властной фигурой на заднем плане, становится здесь главным

персонажем. Словно Эммануэль Каррер дождался ее смерти, чтобы сказать все, чего не хотел, не мог или не осмеливался сказать при ее жизни.

Образ Элен Каррер д'Анкосс действительно завораживает: ее амбициозность, упорство, решительность и непреклонность, но в равной степени и способность любить, быть щедрой и скромной и до конца жизни «делать свое дело». Сын пишет о ней с восхищением, иронией, обидой, ревностью, отпускает в ее адрес мелкие и крупные шпильки, проявляет беспощадную проницательность и несомненную любовь, несмотря на все их разногласия, – любовь, которая, по его признанию, его пугала.

Не уверена, что госпоже Каррер д'Анкосс понравились бы эта книга и столь откровенное, лишенное всякой стыдливости выставление напоказ скелетов, которых она на протяжении долгой жизни так тщательно прятала в шкафах, где, как мне представляется, царил безупречный порядок. Но это, в конце концов, дело семьи Каррер.

Забавнее другое: стараясь продемонстрировать, насколько он не похож на свою мать, Эммануэль Каррер начинает повествование с описания оказанных ей после смерти национальных почестей. Это дает основание предположить, что нарциссизм был их общей чертой. Интересно, кстати, как он отреагировал на соболезнования президента Путина, адресованные ему и его близким и опубликованные на сайте Кремля.

Я не стану подробно разбирать сложные отношения в семье Каррер д'Анкосс: читатели, жаждущие интимных откровений, получат их в избытке.

Для остальных, и для меня самой, интерес книги заключается в другом. Через историю этой русско-грузинско-французской семьи перед нами открывается иной взгляд на русскую революцию, эмиграцию, на советскую, а затем современную Россию и ее отношения с Западом, но также на готовность идти на компромиссы с властью и на упорство, с которым люди продолжают отстаивать свои убеждения, даже когда факты их опровергли.

Элен Каррер д'Анкосс и Владимир Путин, Валдай, 14 сентября 2007 г. © kremlin.ru

Ведь Элен Каррер д'Анкосс, признанный специалист по истории России и СССР, зачастую серьезно ошибалась и в своих суждениях о президенте Путине, и в прогнозах относительно будущего России – вплоть до 24 февраля 2022 года.

«Ее любовь к России подлинна, она у нее в крови. Беда в том, что эта любовь превратилась в снисходительность к Путину и что на протяжении двадцати лет она не переставала доносить до Елисейского дворца позицию Кремля, повторяя Шираку, Саркози, Олланду, Макрону и сменявшим друг друга министрам иностранных дел, что Россия – великая страна, о которой нельзя судить по нашим критериям, а Путин – человек мира, при условии, разумеется, что его не будут унижать», - пишет ее сын.

Однако было бы слишком просто оставить за Элен Каррер д'Анкосс монополию на слепоту или, если хотите, близорукость. Ее сын охотно иронизирует над заблуждениями матери, которую, опираясь на мнение своего дяди Николя, прямо называет лгуньей, над ее завороженностью российской властью и упорной убежденностью в том, что Владимир Путин, несмотря ни на что, остается

рациональным собеседником.

Но и сам он не свободен от некоторой идеализации России. Просто она носит иной характер, не столько политический, сколько литературный и культурный, хотя тоже явно унаследована от матери. Тот, кому мать в четырнадцать лет открыла «Идиота» Достоевского, признается также в любви к Набокову. Тем удивительнее обнаруживать под его пером столько клише о России и русских.

Клише и вправду хоть отбавляй. Нельзя сказать, что все они ложны: клише редко возникают на пустом месте. Но их нагромождение в конце концов превращает сложную историю семьи в подобие русской мифологии, сотканной из мгновенно узнаваемых образов, от «бабушки» до «котлеток».

Каррер умеет деконструировать русский роман своей матери, но остается пленником собственного. Под его пером Россия нередко предстает не столько реальной, противоречивой и меняющейся страной, сколько воображаемым пространством, населенным людьми, во всем склонными к крайностям, трагическими судьбами, тайнами, безумием, насилием, фатализмом и ностальгией.

Если несколько упростить, то выходит, что Элен Каррер д’Анкосс идеализировала могущество, историческую преемственность и предполагаемую рациональность российского государства, тогда как Эммануэль Каррер скорее идеализирует хаос, безмерность и драматизм, превращающие Россию в готовый роман. Он беспощаден к ошибкам матери, но далеко не всегда с той же строгостью подвергает сомнению собственную очарованность этой страной.

Возможно, происходит это еще и потому, что Россия уже давно служит одной из движущих сил его творчества: не только семейным наследием, но и литературным материалом, почти авторской маркой. Это, кстати, глубоко раздражало его мать, не желавшую, чтобы сын вторгался на «ее» территорию.

И тогда возникает более тревожный вопрос: может ли Эммануэль Каррер упрекать мать в том, что она предпочла реальности определенное представление о России, если сам превращает эту реальность в роман?

В «Колхозе» семейное прошлое постоянно вторгается в наше настоящее. Истории «белых русских» эмигрантов, лишенных всего и разъедаемых ностальгией, сегодня отзываются с особой силой: «Но мечтали они, в сущности, не о землях, а о земле. Не о деньгах – к их отсутствию они уже привыкли, – а о языке». Не менее остро воспринимается сегодня и наивность некоторых из тех, кто после Второй мировой войны вернулся в Советский Союз, – возвращенцев.

У меня сжалось сердце, когда я прочитала по-французски последние слова из чеховского «Дяди Вани», которые знаю наизусть по-русски и которые Рахманинов так прекрасно положил на музыку в романсе «Мы отдохнем». Разве нам всем не хочется хоть немного отдохнуть от окружающей нас тяжелой реальности, услышать ангелов и увидеть небо в алмазах?

Прошлое заставляет по-новому взглянуть и на некоторые недавние события. Два года назад в Тбилиси меня задело, что некоторые грузины отказались говорить со мной по-русски. Но, прочитав отрывок, возвращающий нас в 1920-е годы, почти через полтора столетия после того, как Грузия, столь любимая русскими поэтами,

«спасаясь от Османской империи, отдалась под защиту России», я увидела этот отказ в ином свете: «В их колонизированной стране русский язык обязателен. Под угрозой штрафа чиновники должны обращаться к гражданам по-русски, даже если ни чиновник, ни гражданин этого языка не знают. В книжных магазинах продается только русская литература, иностранная литература в переводе на русский, и даже собственную литературу грузинам полагается читать по-русски».

И это даже если не вспоминать о российско-грузинской войне 2008 года.

Конечно, есть в книге и война в Украине, и вопрос, который сегодня задают себе столь многие: «Что думает российский народ? Поддерживает ли он Путина? В какой степени?» Далее следует ответ: «На этот вопрос ответа нет, потому что статистика в России ничего не стоит».

Но только ли статистика ничего не стоит? И чего стоят воспоминания, семейные легенды, официальные версии, убеждения великого историка и правда писателя, превращающего своих близких в персонажей? «Колхоз» не отвечает на эти вопросы. Он добавляет к ним новые: как далеко можно зайти в поисках правды о тех, кого любишь? Все ли позволено литературе? И оправдывает ли любовь жестокость, с которой эта правда порой извлекается на свет?

Дочитав эти 560 страниц, мы, возможно, так и не разгадаем ни тайну матери Эммануэля Каррера, ни тайну России, ни даже тайну самого автора. Но ему удалось превратить их противоречия в книгу одновременно раздражающую и пронзительную, нарциссическую и великодушную, беспощадную и полную любви.

Я открыла ее без особого энтузиазма, почти из профессионального долга. А закрыла растроганной, с вопросами, которые по-прежнему не дают покоя и остаются без ответа.

Элен Каррер д’Анкосс
Эммануэль Каррер
история СССР
Владимир Путин
современная французская литература

Source URL: *https://rusaccent.ch/blogpost/emmanuel-karrer-kolhoz*